

«Дхарма» поэта.

Максимилиан Волошин. Судьба Верхарна

ВЕЛИКИЙ ПАН КОКТЕБЕЛЯ ПРОЛОГ

...Мы помним всё: наш древний, тёмный дух,
Ах, не крещён в глубоких водах Леты!

Corona Astralis, IV¹

Максимилиан Волошин

Коктебельская бухта. Потухший вулкан Карадаг. Скалы, напоминающие очертаниями древних животных. Загадочные гроты. На берег накатываются «доисторические» волны Коктебельского залива. Под одной из них – или только показалось – блеснула огромная спина ихтиозавра. Гулкое стаккато копыт... и где-то высоко на одной из скал обозначилась

¹ Здесь и далее в эпиграфы вынесены строки из произведений М. А. Волошина.

тень кентавра. Мир Максимилиана Волошина. Мир его стихов.

...Для всех людей одни вериги:
Асфальты, рельсы, платья, книги,
И не спасётся ни один
От власти липких паутин.
Но мы, свободные кентавры,
Мы мудрый и бессмертный род,
В иные дни у берега вод
Ласкались к нам ихтиозавры.
И мир мельчал. Но мы росли.
В нас бег планет, в нас мысль Земли!

А вот и сам поэт: его профиль удивительным образом «повторяет» замыкающая залив гряда скал...

Карадаг с высоты птичьего полёта. В одном из ущелий движется вереница людей. Впереди – плотный мужчина в белой свободной одежде, с посохом. Море смыкается с небом. Вот все уселись в кружок и слушают рассказы своего проводника. Мужчина в белом сидит на самом краю обрыва.

– Макс, неужели тебе не страшно?

– Ты знаешь, среди этих скал я чувствую себя, как старый кот на своём чердаке.

Заходит солнце. Путники спускаются с перевала.

– Макс, знаешь, как назвала тебя моя подруга? Великий Пан Коктебеля.

– Или придворный леший Карадага, – добавляет кто-то.

Все смеются. Кто-то выдает экспромт:

– Жил-был Пан. Вылезал вечерами из горного оврага, садился на песок и читал морским водорослям свои стихи. Прошли годы. Пан постарел, преуспел во многих человеческих науках, съездил в дальние страны. Вернулся в Коктебель. На пышноволосую голову в качестве нимба надел сапожный ремешок. Он больше не сидит по ночам у воды – Пан спит в кровати, но море, луну и горы по-прежнему воспекает в своих стихах и акварелях...

Общий смех. Кто-то из девушек обращается к «Пану»:

– Ты что же, и в чудесах толк знаешь?

Макс медленно возлагает руки на травы, и они вспыхивают, загоревшись от закатного солнца. Все ошеломлены. Пылает огонь, и дым восходит к небу. Мужчина с внешностью древнегреческого бога или ассирийского жреца, опершись на посох, смотрит на огонь. И словно вызванная этим огнём памяти на фоне гор и вечеряющего неба появляется одинокая фигура девушки. Она идёт медленно, думая о чём-то своём. И будто бы меняются кадры несуществующей киноленты. «Мгновенья полные, как годы...» Южный пейзаж сменяется северным, петербургским. Холодно и пустынно за городом. Две чёрные фигуры на грязном снегу... Звучит выстрел. И крупным планом: расширенные от ужаса и недоумения глаза одного из дуэлянтов, полные холодной ненависти глаза другого... женская фигура застыла посреди ковыля и полыни...

Темнеет. Слышится лай собак, а вскоре появляются и они сами – свирепые помощники чабанов, которые немного отстали. Отделившись от своих спутников, мужчина в белом подходит к собакам. Что-то спокойно им говорит. Те успокаиваются, виляют хвостами.

Уже совсем стемнело. Группа людей спустилась в долину.

– Макс, как это тебе удалось?

– Что удалось?

– Ну это, с огнём?

– С огнём у меня особые отношения. Однажды в гостях я стоял возле гардин – и они зажглись прямо у меня в руках. А на новый, 1914-й, год я был в Коктебеле один, и ко мне

приехала Марина Цветаева. Я затопил печку, плита раскалилась, и возник пожар. Так начался для меня первый год Европейской войны...

– Макс, а отчего возникают войны?

– Оттого, что человеку однажды показалось, будто он подчинил себе духов природы; на самом же деле он сам попал к ним в подчинение, наделив их собственной жадностью и агрессивностью.

– Как это понять?

– Очень просто: мы убили божественную сущность вещей. И вот в этой самой обезбоженной природе начинают действовать силы, которые овладевают нашими страстями и волей.

– И поэтому...

– Поэтому... – Макс вдруг уходит в себя. Похоже, он импровизирует:

Поэтому за каждым новым
Разоблачением природы ждут
Тысячелетья рабства и насилий,
И жизнь нас учит, как слепых щенят,
И тычет носом долго и упорно
В кровавую расплзшуюся жижу,
Покамест ненависть врага к врагу
Не сменится взаимным уваженьем...

Кто-то вставляет с оттенком иронии:

– И справедливым миропорядком?

Макс, едва заметно усмехаясь, продолжает:

Не веривший ли в справедливость
Приходил
К сознанию, что надо уничтожить
Для торжества её
Сначала всех людей?
...Не тот ли, кто принёс «не мир, а меч»,
В нас вдунул огонь, который
Язвит и жжёт, и будет жечь наш дух,
Доколе каждый
Таинственного слова не постигнет:
«Отмщенье Мне, и Аз воздам за зло».

И кажется, что вдалеке на горизонте появилась белая фигура, медленно идущая к ним «по лону вод». Кто это?.. Какой «себя забывший бог»?..

У самой отмели что-то зашевелилось... Какое-то фантастическое существо. Волна выбрасывает на берег корягу. Это корень виноградной лозы... Нет, нечто большее: добродушная собачья морда, выпяченная вперёд нога... Танцующий посланник Диониса. Морской чёрт Габриях...

Ночное небо. Накатывается большая волна. Она с головой накрывает вошедшую в море женщину. У самого берега подрагивает на воде корень виноградной лозы, Габриях. Доносятся слова:

– Тебе меня отдали. Ты помнишь за меня. Ты мой бог. Я тебе молюсь, Макс!

– Лиля, не надо. Этого нельзя...

По берегу моря медленно шествует таинственная женская фигура – вечерний наряд, широкополая шляпа. Бывший бес? Херувим в женском обличье? Мистическая фантазия в земной плоти – Черубина де Габриак...

Ступеньки узкой лестницы в доме неподалёку скрипят под ногами грузного человека. На стене – портрет широколицего бородача. То же лицо с трудом, но угадывается сквозь причудливое переплетение разноцветных квадратов, треугольников и ромбов – картина Диего Риверы в стиле кубизма. Многометровые полки с книгами... Шорохи волн и посвист ветра... И будто слышится: «Тут по ночам беседуют со мной / Историки, поэты, богословы...» Просоленные морем окаменелости, разнофигурные корни растений, обломок «корабля Одиссея», прибитый к стене... Фотография молодой узкоглазой красавицы с загадочной улыбкой на «змейных» устах... Доносятся слова из прошлого:

– Таааах... Она похожа на вас...

– Смотрите, у неё шевелятся губы!..

Москва. Просторная картинная галерея. На стенах полотна Мане, Ренуара, Дега, Гогена... Молодая девушка и возбуждённый поэт в качестве гида.

– Вы чувствуете, как свет рассеивает здесь безысходность? Эдуар Мане говорил: свет – главный сюжет произведения...

– Вы так хорошо знаете и чувствуете французских художников...

– Не только французских. Русское искусство я люблю не меньше. Вот, например, Суриков... Вы знаете, я думаю написать о нём книгу.

– А как же французы?

– И о французах тоже.

Девушка улыбается. Поэт смотрит на неё с нежностью и по-своему объясняется в любви:

– Я хочу, чтобы вы поскорее приехали во Францию. Я покажу вам Париж. Мой Париж...

Парижская улица. Он и она прячутся под козырьком подъезда. Звучат стихи:

В дождь Париж расцветает,
Точно серая роза...
Шелестит, опьяняет
Влажной лаской наркоза.

– Это из нового? Почитайте ещё.

– Попробую вспомнить:

А по окнам, танцуя
Всё быстрее, быстрее,
И смеясь, и ликуя,
Вьются серые феи...

Пейзаж города сквозь пелену дождя. Молодые люди заскакивают в подъезд, быстро поднимаются по лестнице, держась за руки. За омытыми дождём окнами открывается причудливый и радостный Париж, почти что живопись импрессионистов. Всё волшебное, светло и размыто.

На синеющем лаке
Разбегаются блики...
В пронсящемся мраке
Замутились их лики...

Сколько глазок несхожих!
И несутся в смятеньи,
И целуют прохожих,
И ласкают растенья...

Поэт наклоняется к руке девушки. Она касается губами его волос и медленно отнимает руку...

Коктебель. На четырёхугольной вышке Дома Поэта стоит его хозяин, Максимилиан Волошин, глядяваясь в звёздную даль. Может быть, ему кажется, что совсем ещё юный отрок пробежал по одному из уступов Карадага, читая стихи...

РЕБЁНОК – НЕПРИЗНАННЫЙ ГЕНИЙ

...Молюсь о том, чтобы стать поэтом.

Автобиография

16 мая 1877 года в Киеве, на Тарасовской улице, в семье Александра Максимовича Кириенко-Волошина и его жены Елены Оттобальдовны, в девичестве Глазер, родился сын, которого назвали Максимилианом. Отцу было тридцать девять лет, матери – двадцать семь. Больше детей у них не было. «Моё родовое имя Кириенко-Волошин, и идёт оно из Запорожья, – писал Максимилиан Александрович сорок восемь лет спустя в „Автобиографии“. – Я знаю из Костомарова, что в XVI веке был на Украине слепой бандурист Матвей Волошин, с которого с живого была содрана кожа поляками за политические песни, а из воспоминаний Францевой, что фамилия того кишинёвского молодого человека, который водил Пушкина в цыганский табор, была Кириенко-Волошин. Я бы ничего не имел против того, чтобы они были моими предками».

Слепой бандурист, пострадавший из-за любви к родине и политической направленности песен... Что ж, весьма подходящий предок для писателя, проявившего в годы революции редкую бескомпромиссность...

Другой – близкий знакомый Пушкина (по уточнённым данным – Дмитрий Кириенко-Волошинов), поэта, чьё имя для Волошина было особенно дорого и которому будущий коктебельский житель посвятит такие строки:

Эти пределы священны уж тем, что под вечер
Пушкин на них поглядел с корабля, по дороге в Гурзуф...

Но всё это родство, как говорится, неустановленное. Что же до непосредственного... Отец поэта, коллежский советник, состоял членом Киевской палаты уголовного и гражданского права. Судя по немногим сохранившимся свидетельствам, был он человеком добрым, общительным, писал стихи. Кстати сказать, единственное смутное воспоминание Макса об отце связано с его декламацией стихов – каких именно, ребёнок, естественно, не запомнил. Александр Максимович умер, когда мальчику исполнилось четыре года. Впрочем, он жил тогда уже отдельно от семьи. О своих предках Максимилиан Волошин пишет весьма бегло: «Отец мой никогда предводителем] дворянства не был. А был сперва мировым посредником, а потом членом суда в Киеве. У деда было большое имение в Киевск[ой] губерн[ии], а кто он был, не знаю, и вообще родственников] моего отца совсем не знаю» (из недатированного письма М. В. Сабашниковой).

Воспитанием ребёнка занималась мать, женщина волевая, широко образованная, из семьи обрусевших немцев. Её отец был начальником Житомирского телеграфного округа. Как вспоминал М. А. Волошин: «Дед по матери был инженером и начальником телеграфн[ого] округа (что-то важное). Его отец был синдик (видимо, представитель какой-нибудь промышленной или коммерческой корпорации. – С. П.) в каком-то остзейском городе – не то в Риге, не то в Либаве. А отец бабушки делал итальянский поход с Суворовым, а его отец был чьим-то лейб-медиком...» (в другом месте: «Прапрадед – Зоммер, лейб-медик, приехал в Россию при Анне Иоанновне»).

Лучший портрет матери поэта, Елены Оттобальдовны, дан Мариной Цветаевой,